

Здравствуй, сынок

рассказ

12+

Сергей Бичуцкий

Сергей Бичуцкий
Здравствуй, сынок

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бичуцкий С. М.

Здравствуй, сынок / С. М. Бичуцкий — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

В чём смысл жизни? Живут люди, живут и порой даже и не задумываются над этим. И многим кажется, что смысл жизни у каждого свой. Так ли это? Вот и и герой этого рассказа даже и не задумывался над этим вопросом, пока не пришёл последний час.

Глава 1

Здравствуй, сынок! – первым делом сказал Семёныч, проснувшись, и только затем перекрестился. Каждый день так. Сначала здоровался с сыном, а уж потом с Богом. Почему? Тосковал по сыну. Заболел тоской этой, потому и разговаривал с ним, будто тот рядом. А с Богом-то что? Бог Он Бог и есть – всегда тут, потому и здоровался с ним после сына. Знал, что неправильно это, но был уверен, что Господь всё понимает, и простит. Полежал немного, окончательно отходя ото сна, сбросил одеяло и с трудом сел на постели. Посмотрел на будильник, недовольно скривился и попенял сыну:

– Чего не разбудил-то? Зорьку давно пора доить, а я валяюсь тут, как дрючок. Пойдёшь со мной? – спросил, натягивая брюки. – Ладно-ладно, сам подою. Знаю, что не любишь! Никто из вас не любит. Белоручки какие. Всё на старика повесили. Всё батя, да батя, – ворчал, надевая рубаху. – А лет сколько бате забыл? То-то. Ну, да ладно. Что с вами поделаешь?

Ополоснул лицо ледяной водой, вытерся жёстким вафельным полотенцем, подошёл к стоящей на столе фотографии сына в рамке под стеклом, провёл легонько рукой, то ли пыль стёр, то ли погладил, накинул фуфайку, со скрипом открыл двери в сени, натянул резиновые сапоги и вышел на крыльцо. Вдохнул полной грудью живительную свежесть просыпающейся весны, и стал спускаться по будто от боли стонущим ступенькам. Всё скрипело – и двери, и полы, и крыльцо. Старел дом. Чего уж там! Вместе с хозяевами старел. Батя ставил сруб ещё лет семьдесят назад. Ему тогда чуть поболее пяти было. Шестьдесят годов стоял как литой. На совесть батя сработал. А тут, лет эдак десять назад, начал, ни с того, ни с сего, корячиться, да поскрипывать во всех пределах. Подумал было, что с фундаментом что-то, но, обследовав, видимых изменений не обнаружил. И причин явных, таких, чтобы бросались в глаза, вроде не было, а проседал, и всё тут. Может и не в фундаменте вовсе дело? Может просто древесина иструхлявилась? Особенно нижние венцы? Может и так, но дом, как и человек, старился, горбился, хирел, расплзался потихоньку и щели, выдувавшие тепло от натопленной с вечера печки, появлялись нескончаемо. Разбираться, в чём причина, ни здоровья, ни желания не было. Пытался, конечно, конопатить, но они появлялись вновь и вновь, будто вредитель какой специально проковыривал. Лишь бы Семёнычу напакостить. Вредителя этого старик знал прекрасно, поэтому не очень переживал, понимая, что бороться с ним, и касательно дома, и касательно самого себя, дело бесполезное. Время! Как с ним бороться? Да никак! Терпеть, да не пыжиться! Семёныч и терпел. Ко всему за долгие годы жизни притерпелся, а уж к возрасту... . Совсем внимания не обращал. Жил себе и жил. Без целей каких-то и задач. По привычке, можно сказать. А что ещё оставалось одному-то? Была когда-то семья. И жена, и дети, и любовь, и смех, и горе. Всё было. Было, да сплыло! Стёрла жизнь, как ластиком, всё, что было дорого, и зачем дальше жить одному, толком и не понимал. Сына, конечно, дождаться хотел, но и это желание постепенно стало простой привычкой. Вернее сказать, болезнью. Хронической. Не болит, не болит, а тут вдруг как стрельнёт-бабахнет, хоть вой, хоть бараном в стену. Семёныч в таком разе, не раздумывая, спускался в погреб, доставал трёхлитровую банку самогона, собирал на стол, что под рукой было, ставил напротив фотографию сына, рядом стакан, да тарелку с закуской, и начиналось обычное застолье с тостами да разговорами. Понятное дело, что говорил сам с собой, но это только если со стороны смотреть. А, если вникнуть в суть, то вроде как бы беседовали отец с сыном. Вот так оно бывало. Посидит часок-другой, успокоится душа, умиротворится, ну и слава Тебе, Господи! Уберёт со стола, да принимается за обычные дела.

С утра таких приступов никогда не было, потому как просыпался, и сразу за работу. Работа, она ведь всякую хворь душевную лечит. Лучшего лекарства до сих пор никто не придумал. Вот и сегодня, едва проснувшись, пошёл Зорьку доить. Два ведра захватил – эмалированное – под молоко, и с тёплой водой – вымя омыть, да напоить. На плиту с вечера ставил, чтобы утром время на подогрев не тратить. Открыл дверь в сарай и тут же раздалось привычно радостное мычание Зорьки. Здоровалась так. Каждый день. Подошёл, погладил по жёсткой

спине, разбавил большую часть тёплой воды с холодной, налил в десятилитровую кастрюлю, сходил в дальний конец сарая, схватил охапку пахучего разнотравья, бросил в ясли, и только после этого поздоровался с кормилицей. Зорька откликнулась. Повернула морду, едва не задев рогами, лизнула пару раз знакомую фуфайку, и принялась хрустеть свежим сеном. Семёныч взял маленькую скамеечку, поставил напротив и сел. Пододвинул ведро с тёплой водой, намочил тряпицу, да стал омыwać-оглаживать вымя. Легонько, без нажима, смывал грязь и соринки с тёплого пульсирующего тела. Омыв, промокнул сухой тряпкой и принялся массировать. И только почувствовав, что вымя расслабилось и размякло, начал доить. Знал прекрасно, что стоит только запустить этот процесс, тут же мастит получишь. А мастит – это...! Лучше всуе не вспоминать. Беда, короче говоря!

Корову свою Семёныч любил – и удоистая, и покладистая, да к тому же и ласковая. Точь-в-точь жена. Никогда не взбрыкнёт! Даже хвостом не машет, пока доит. Замрёт, и стоит смиренная такая, не шелохнётся. А то повернёт морду свою, да давай Семёныча своим наждачным языком облизывать, докуда достанет. Любит, значит. Вроде как скотина, а на самом деле единственная на свете душа, кому он не безразличен. Эта тоненькая духовная ниточка на самом деле и связывала его с жизнью. Как без любви-то жить? Может поэтому с ней, как с человеком, постоянно о чём-то говорил? Какая-никакая, а любовь! Как ей не радоваться? Как не поговорить? И ухаживал за ней, как за единственной родной. Других-то рядом не было. Только она – кормилица и отрада. По два раза надень чистил коровник, а порой и настил мыл, да сена на подстилку не жалел. Чего жалеть? Вчетвером, хоть и старики, столько сена на зиму заготовили, что и двум бы коровам хватило. И Зорька, чувствуя эту неподдельную заботу, отвечала на неё, чем могла – молоком. По двенадцати литров за дойку. Меньше – и думать не могли. Столько молока на четверых! И куда его девать? Пока не придумали, что с таким богатством делать, собакам, да свиньям скармливали. А больше и некуда, поскольку от, ещё в недалёком прошлом, большой и людной деревни четверо их осталось: сам Семёныч, соседка Наталья Николаевна, учительница-пенсионерка, да друг Семёныча Федька Моисеев с женой Катериной. Остальные поразъехались кто-куда, потому как работы не было никакой, а умирать от скуки и голода по какой-то до сих пор неизвестной властям причине никто не хотел. Вот и встал перед Семёнычем вопрос: что делать с таким количеством молока? Тут Наталья Николаевна пришла на выручку – вычитала где-то, как из молока сыр делать. Съездила в Питер, привезла закваску, да заделалась заправским сыроваром. Такая у неё вкуснятина стала получаться, что из района порой специально приезжали, заказы делали. К празднику там к какому или юбилею. А нет, так излишки, когда накопятся, Фёдор с женой отвозили в район, да на местном невеликом торжище в момент распродавали, а на вырученные деньги покупали всё, в чём нуждался их кооператив. Николаевна и не старалась даже особенно. Единственное, что можно было поставить ей в заслугу, так это то, что не мудрила, не своевольничала, а делала всё как было предписано в наставлениях. Может в этом и был весь секрет? Может и так, но сами они сразу и окончательно позабыли, что значит жизнь без деликатеса.

Зорька не подкачала и сегодня. Литров одиннадцать дала с гаком. Семёныч подкинул сена, взял полное ведро молока и поковылял домой. Ноги стали последнее время что-то откачивать. Да и руки, по правде говоря, тоже. От постоянной дойки скрючились пальцы, как коряги стали. Ни согнуть без боли, ни разогнуть. Порой так припекало, что приходилось просить о помощи либо Наталью Николаевну, либо Катерину. Предлагали женщины сами по очереди доить, но Семёныч ни в какую не хотел отдавать часть своей жизни. Чего это вдруг? А ему что? Сидеть да охать? Не в его это правилах! «Пока силы есть ложку в руках держать, нечего на печи лежать! – любил повторять отец. – Можешь есть, значит можешь и работать!». Семёныч запомнил, и себе, как правило жизни взял. Не скулил, не жаловался, а просто работал. Начинать, правда, трудно было, а как разойдётся, так и боль незаметно уходит. Знал это, поэтому и не соглашался на помощь.

Принёс ведро домой, отлил пол-литра, а остальное потащил к соседке. Наталья Николаевна давно встала и уже растапливала печку. Гостя встретила с улыбкой:

– Не подвела, родимая? – спросила вместо приветствия.

– С чего бы это? – незлобиво ответил Семёныч, и поставил посудину на специально приготовленную табуретку.

Хозяйка ходила в сени, принесла большую алюминиевую кастрюлю, какими раньше в столовых пользовались, и поставила на плиту. Семёныч, охнув, поднял ведро и перелил молоко.

– Моисеевым-то, чего не оставил? – удивилась соседка.

– Дак они вчерашнее ещё не выпили. Катерина предупредила, что не надо им сегодня, – ответил старик, присаживаясь на свободную табуретку.

– От Серёжки есть что-нибудь?

– Откуда? Каким это ветром сюда что-нибудь принесёт, Николаевна? – горестно проворчал Семёныч. – Кабы почта рядом была, сходил бы, а так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.